

Ф. Штаудингер

Этика и политика

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Ф11

Ф11 **Ф. Штаудингер**
Этика и политика / Ф. Штаудингер – М.: Книга по Требованию, 2021. – 37 с.

ISBN 978-5-458-06704-1

ISBN 978-5-458-06704-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Этотъ духъ проникъ до самыхъ крайнихъ низовъ и часто отдѣляетъ мораль отъ политики. Такъ, недавно одна вліятельная газета одного университетскаго нѣмецкаго города безобидно замѣтила: „дѣло въ пользѣ, которую приноситъ политика, а не въ величіи ея моральной цѣнности“ (!). Пользѣ — кому? Это — ближайшій вопросъ, который мы должны поставить, допустивъ пріемлемость этого ученія.

Если дѣло такъ обстоитъ, то вѣдь то, что мнѣ полезно, мнѣ ближе того, что полезно другимъ. Если это вопросъ силы, если все сводится къ силѣ и случаю — хорошо! Развѣ эти господа не понимаютъ, какой отчаянно-тонкій слой они образуютъ среди всего чело-вѣчества? Развѣ имъ не ясно, что они лишатся какой-бы то ни было силы въ тотъ моментъ, когда хотя бы меньшая половина людей уяснитъ себѣ ихъ мораль и воспользуется ученіемъ господъ, какъ оружіемъ противъ нихъ же?

Правда, они возражаютъ: да, друзья, это совершенно иное дѣло. Для васъ, внизу, дѣйствительна обычная мораль, вы обязаны быть паиньками. Вы должны выбирать такъ, чтобы господа могли васъ такъ же удобно прижимать, какъ до сихъ поръ. Если вы этого не хотите, то мы отнимемъ у васъ избирательное право, которое должно являться забавой для васъ, а для насъ — средствомъ могущества. Вы должны терпѣливо и спокойно сносить все, что мы дѣлаемъ, ибо это «законъ», а законы святы. Эй, вы, священники, исполняйте свой долгъ, внушайте имъ страхъ Божій, дабы они не выходили изъ повиновенія! Для чего вы существуете, если не для того, чтобы наблюдать за порядкомъ въ народѣ»? Такъ, по крайней мѣрѣ, говорилъ мнѣ — одинъ юристъ. Это — истинная подкладка нашей „господской“ морали. И хорошо,

что эта тенденція открыто проявляется, что она самоувѣренно не окутываетъ себя, какъ прежде, обманчивымъ туманомъ. Говоря по совѣсти, во времена Сталя положеніе дѣлъ было точно такимъ же, какъ теперь, но господа еще вѣрили въ право своей власти, теперь же они вѣрятъ только въ силу штыковъ и то не совсѣмъ твердо. Каково отношеніе народа къ этой морали? Какое положеніе должны занять мы, этики? Таковъ вопросъ. Дѣйствительно ли и для насъ мораль не имѣетъ никакого значенія? Если имѣетъ, то въ чемъ она для насъ заключается? Вѣдь не могутъ же они ожидать, чтобы мы признавали ту мораль, которую они проповѣдуютъ—произволь власти для господъ и нѣмое повиновеніе для рабовъ.

Для насъ существуетъ одна нравственность, которая всѣхъ подчиняетъ однимъ и тѣмъ-же законамъ. Нѣтъ морали господъ—съ одной стороны, и морали рабовъ, прописной морали—съ другой. Нѣтъ, для всѣхъ одна и таже мораль свободныхъ, самоопредѣляющихся личностей! Эта мораль является также и цѣлью политики, какъ мы ее понимаемъ. Она имѣетъ общее съ политикой, больше того, она — политика. Германъ Когенъ, глава нео-кантіанства, говоритъ въ своей „Этикѣ“: „Только въ политическихъ движеніяхъ нравственность можетъ подчиняться практической культурѣ“; а социальдемократъ Юсифъ Дицгенъ восклицаетъ: „Социальдемократія провозглашаетъ истинную, настоящую мораль, стремясь подчинить всѣ частные интѣресы общему,—соціалистической организаціи“.

Итакъ, мораль имѣетъ мѣсто, въ политикѣ. Что это такъ, свидѣтельствуютъ зачатки новаго права, которымъ мы обладаемъ. Я имѣю въ виду избирательное право, значеніе котораго часто такъ плохо понимается. Избирательное право, которое въ Германіи завоевано всего

нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, а въ Россіи еще добывается въ кровавой борьбѣ, даетъ намъ новое право въ противовѣсъ къ авторитарному состоянію права прежняго времени, но ставить предъ нами и новую задачу. Благодаря ему, открывается возможность для находившихся до сихъ поръ въ порабощеніи использовать свое вліяніе на законодательство, чтобы создать новый порядокъ вещей на основаніяхъ, отличныхъ отъ права господъ. Появляется также новая отвѣтственность. Старый авторитарный порядокъ категорически заявлялъ: „ты долженъ покорно подчиняться тому, что за тебя постановляютъ господа твоихъ судьбъ“. Новое право, наоборотъ, говоритъ совершенно явственно всѣмъ, кто это понимаетъ: „ты призванъ участвовать въ опредѣленіи формы общественнаго строя; своимъ выборомъ или воздержаніемъ ты берешь на себя часть отвѣтственности за характеръ будущаго законодательства“. Несознательная масса должна это обстоятельство хорошенько себѣ уяснить. Но слѣдуетъ также уяснить себѣ и тѣ два, борющихся другъ съ другомъ, противоположныхъ направленія, которыя теперь намѣчаются. Одна часть стремится использовать новый порядокъ, чтобы и онъ, какъ нѣкогда старый строй, служилъ интересамъ порабощенія, другая, пока слабѣйшая, часть стремится преобразовать дѣйствующее законодательство порабощенія въ порядокъ „общаго блага“. Первые успешно пользуются готовой къ ихъ услугамъ страшной силой печати, личнымъ авторитетомъ, религіозной и прописной моралью, клеветой на социализмъ, чечевичной похлебкой, которой они соблазняютъ наивную жадность; они не брезгаютъ даже открытымъ насиліемъ и угрозами (Заарбрюкенскій процессъ). Распространяя сумятицу и невѣжество, они ловятъ рыбу въ мутной

водѣ. Вторые часто только чувствуютъ инстинктивно свои цѣли, не объединенные и неорганизованные; они еще недостаточно физически могучи, чтобы принять вызовъ. Этихъ силъ еще недостаточно, чтобы заставитьъ политику перестать служить интересамъ господъ и направить ее въ русло общеобязательной морали. Первые лучше понимаютъ свои дѣла. Они понимаютъ значеніе возможности вліять на законодательство. Они не такъ просты, чтобы воскликнуть: „Оставимъ парламентаризмъ, онъ не имѣетъ никакого значенія!“ Они пользуются всѣми средствами, чтобы заставитьъ народъ выбирать такъ, какъ это имъ желательно. Если онъ этого не дѣлаетъ, то они скорѣе готовы посягнуть на *его* избирательное право, чѣмъ отказаться отъ собственнаго вліянія на него. Успѣхъ враговъ долженъ былъ бы убѣдить всѣхъ противниковъ избирательнаго права въ его необыкновенной важности. Современная тарифная политика (въ Германіи) покоится на успѣхахъ „магнатовъ барыша“ во время послѣднихъ двухъ выборовъ въ рейхстагъ. Казалось бы, что какъ разъ эта роль избирательнаго права должна была бы уяснить господамъ, чѣмъ оно станетъ, когда народъ *сознаетъ* свои права и *пожелаетъ* пользоваться ими. Съ началомъ революціи въ Россіи, уменьшилась, правда, опасность отмѣны избирательнаго права, которая провоцировалась самоубійственной глупостью и равнодушіемъ народа къ выборамъ. Но уже тотъ фактъ, что можно было здѣсь пятиться назадъ, свидѣтельствуетъ о томъ большомъ значеніи, которое придаютъ ему господствующіе классы. Борьба, которая возгорѣлась теперь въ Россіи, вполне основательно направлена, главнымъ образомъ, на завоеваніе возможности вліять на законодательство путемъ всеобщаго, прямого избирательнаго права.

Избирательное право ставить предъ каждымъ задачу самостоятельно и на собственный страхъ опредѣлять то направленіе, по которому должно, по его желанію, идти развитіе. Моральное, культурное и воспитательное значеніе избирательнаго права заключается въ томъ, что это направленіе дѣйствительно опредѣляется волей большинства. Въ избирательномъ правѣ, хотя и не въ немъ одномъ, нравственность, слѣдовательно, является политикой, а политика бываетъ нравственной или безнравственной. Чѣмъ именно она является—зависитъ отъ направленія, по которому развивается общество.

Съ тѣхъ поръ, какъ мораль начала въ избирательномъ правѣ играть въ политику, народилось понятіе о нравственности. „Образцовая“ и прописная мораль церковнаго христіанства исчезли навсегда. Дѣйствительно христіанская мораль первыхъ адептовъ христіанства, ученіе о царствѣ братства на землѣ, пріобрѣтаетъ здѣсь все больше ясности, важности, духовной мощи и вытѣсняетъ отвратительную смѣсь, которую изъ нея сдѣлала церковь, находившаяся въ услуженіи у господъ. Вѣрность, честность и справедливость, которыя такъ часто служили средствами обмана, должны, наконецъ, сдѣлаться правдой, должны завладѣть міромъ. Это—цѣль новой морали, которая одновременно является политикой.

II.

Хозяйство, культура, право, политика, мораль, гуманность и этика.

Мы не должны долго останавливаться на этихъ понятіяхъ. Но такъ какъ разница между ними недостаточно ясна не только простымъ, но, подчасъ, и

болѣе образованнымъ людямъ, то необходимо въ краткихъ словахъ указать на нее. Въ одномъ эти понятія сходятся: всѣ они имѣютъ отношеніе къ человѣческимъ поступкамъ. Подъ угломъ зрѣнія *хозяйства* мы разсматриваемъ человѣческія дѣйствія и порядки, поскольку они служатъ для производства матеріальныхъ и духовныхъ богатствъ. Поскольку, благодаря этому, наступаетъ матеріальное или духовное обогащеніе или обѣднѣніе, мы говоримъ о *культурѣ*, о ея прогрессѣ или отсталости. Мы говоримъ о *правѣ*, поскольку порядки, регулирующіе совмѣстную жизнь людей и производство богатствъ, стоятъ подъ государственной принудительной охраной. Если рѣчь идетъ о сохраненіи или какомъ-нибудь внутреннемъ, или внѣшнемъ измѣненіи правового строя, то это будетъ *политика*. Воля подчиняться справедливому строю или добиваться такого составляетъ *мораль*. *Праву* нѣтъ дѣла до воли, оно интересуется только дѣйствіемъ и его результатами. Только между прочимъ, именно при вопросѣ о вмѣняемости, правомъ принимается въ соображеніе и намѣреніе. Мораль же обращаетъ главное вниманіе на отношеніе воли къ дѣйствіямъ, поскольку она подчиняется данному порядку вещей или добивается другого. Наконецъ, мы должны провести еще грань между моралью и *гуманностью*.

Это часто совсѣмъ игнорируется этиками, или недостаточно рѣзко проводится. *Волей къ порядку* исчерпывается для насъ мораль, независимо отъ того, воля къ какому порядку заслуживаетъ названія нравственной. Такимъ образомъ мы исключаемъ изъ области этики чувства любви, доброты, терпимости и т. д. и называемъ ихъ гуманитарными чувствами. Опытъ намъ показываетъ, что эти чувства съ такой же легкостью могутъ затемнять этическое сознаніе и нравственную

волю, съ какой могутъ служить и могучими импульсами и воспитательными средствами при нравственныхъ дѣйствіяхъ. Воодушевленіе хорошимъ совершенно отлично отъ любви къ опредѣленнымъ лицамъ или предметамъ, съ которой оно можетъ и сливаться. Собственно говоря, достаточно небольшого размышленія, чтобы убѣдиться въ томъ, что склонности сами по себѣ еще не являются нравственными. Еслибъ любовь, сама по себѣ, являлась верховной законодательницей нашего нравственного сознанія, то какъ мы могли бы материнскую любовь называть любовью обезьяны къ своему дѣтенышу и отличать ее отъ настоящей любви?

До какой степени эти точки зрѣнія взаимно переплетаются,—насъ убѣдитъ примѣръ, взятый у социалиста, основныя мысли котораго мы признаемъ. Іосифъ Дицгенъ въ одномъ выдающемся своемъ сочиненіи „Мораль социальдемократіи“ (Kleine Schriften, стр. 77) сначала совершенно правильно подчеркиваетъ, что нравственность и *порядокъ* необходимы. Черезъ нѣсколько страницъ нравственность или безнравственность нравовъ оцѣнивается имъ, въ зависимости отъ того, способствуютъ ли они развитію челоуѣчества или задерживаютъ его. Но развитіе государства изъ родового порядка несомнѣнно знаменуетъ собою культурный прогрессъ и моральный регрессъ. Какъ видите, здѣсь спутаны самымъ непозволительнымъ образомъ *культурная* и нравственная точки зрѣнія. Черезъ нѣсколько страницъ мы встрѣчаемся уже съ „любовью къ ближнему“—образчикомъ христіанской морали.

Но именно характерное для христіанства смѣшеніе любви съ братствомъ, гуманитарнымъ отраженіемъ которыхъ оно является, не мало способствовало тому, что мѣсто реального признанія равноцѣнной личности

въ ближнемъ заняло состраданіе. Поэтому необыкновенно важно отграничить точку зрѣнія гуманитарной любви отъ нравственной, для того, чтобы одна не затемнялась другой.

Мы различаемъ, кромѣ морали, еще и *этику*, какъ *сознаніе—основныхъ положеній морали*. Въ этомъ пунктѣ—основная разница между старой моралью, основанной на авторитетѣ, и нашей. Первая покоится на заповѣдяхъ. Если онѣ, между прочимъ, и обосновываются, то рѣшающимъ вліяніемъ пользуется все таки заповѣдь, а не мотивировка. При самоопредѣленіи же, какъ это предполагаетъ правильное избирательное право, рѣшающую роль играетъ обоснованіе, а не авторитетная заповѣдь. Это, точно также, какъ и всю науку о морали, мы называемъ этикой. Этическая и авторитарная мораль—вотъ основные противорѣчія современности. Если бъ этическая культура всюду соответствовала этому представленію о ней, то она должна была бы, будучи послѣдовательной, вводить вмѣсто авторитарнаго регулированія воли этическое.

Охотно отдѣляютъ отъ этики и морали еще *нравственность*, какъ моральное дѣйствіе, обусловленное свободной волей. Но слово—мораль, такъ же часто употребляется для обозначенія содержанія заповѣдей, какъ и для характеристики поступковъ; содержаніе слова «нравственность» народное сознаніе привыкло ограничивать половымъ воздержаніемъ. Поэтому, мы употребляемъ его только тамъ, гдѣ невозможно недоразумѣніе.

Мы вынуждены были кратко установить эти опредѣленія понятій, во избѣжаніе недоразумѣній и пустого словопренія. Правда, каждый воленъ называть столъ стуломъ и стулъ столомъ, и мы не будемъ спо-

рять съ тѣмъ, кто придаетъ болѣе узкое или болѣе широкое значеніе морали. Мы только самымъ энергичнымъ образомъ подчеркиваемъ, что необходимо тщательно изслѣдовать каждую точку зрѣнія отдѣльно, прежде чѣмъ анализировать ихъ взаимодѣйствіе и взаимную модификацію. Поэтому, мы еще разъ указываемъ, рискуя быть зачисленными Сталемъ-въ филистеры, — на волю къ порядку, какъ на существенный признакъ морали, больше всего заслуживающій вниманія. Итакъ, мораль для насъ есть воля къ порядку въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, и ничего больше. Но здѣсь мы должны разобрать еще три отдѣльныхъ вопроса: на что опирается такая воля? Въ чемъ она состоитъ? Какова ея цѣль?—Эти вопросы заслуживаютъ отдѣльнаго разбора.

III.

На что опирается моральная воля?

Воля можетъ корениться въ окружающей чело-вѣка внѣшной природѣ и въ историческихъ отноше-ніяхъ общества, среди котораго онъ вырастаетъ. Здѣсь онъ получаетъ возможность для выраженія своей воли. Что поведеніе дикаря или жителя лѣсовъ вслѣдствіе этого иное, чѣмъ поведеніе жителя фабричнаго го-рода; что феодалъ не можетъ думать и желать, какъ его батракъ, и наоборотъ,—это все общія мѣста. Все, что въ этомъ смыслѣ далъ, т. н., историческій мате-риализмъ, такъ неоспоримо вѣрно, что порою трудно понять, какъ можно еще серьезно спорить противъ этого.

Человѣкъ и общество, въ которомъ онъ живетъ могутъ находиться въ тройномъ отношеніи къ дру-

гимъ людямъ и обществамъ. Ближній можетъ составлять для него простой предметъ, какъ, напр., камень, потокъ или животное. Въ этомъ случаѣ онъ обращается съ нимъ, какъ съ такими предметами. Если онъ не совершенно равнодушенъ къ нему, то онъ отодвигаетъ его въ сторону, или уничтожаетъ его, или используетъ его, какъ средство для своихъ цѣлей. Это—три формы *предметнаго или естественнаго отношенія*; здѣсь не развивается никакая этика по отношенію къ другимъ. Только въ себѣ самомъ человѣкъ развиваетъ тѣ силы самообладанія и порядка въ собственной жизни, которыя необходимы для побѣды надъ противникомъ, или для того, чтобы цѣлесообразно использовать человѣка-орудіе. Если при этомъ заботятся о ближнемъ, то это—забота о домашнемъ животномъ, которое желаютъ сохранить пригоднымъ.

Вторая, смѣшанная форма,—форма соединенія. При общественныхъ сношеніяхъ человѣкъ признаетъ за ближнимъ такія же права, какъ за собой, и заинтересованъ въ сохраненіи и культивированіи такихъ отношеній. Взаимныя отношенія уже нуждаются въ опредѣленныхъ правилахъ и порядкѣ и могутъ въ высокой степени развить, т. н., гуманныя формы сосуществованія.

Однако, отношенія, которыя дѣйствительно связываютъ людей между собой, порождаются сообществомъ, основаннымъ на *сотрудничествѣ во имя одинаковыхъ цѣлей*.

Сообщества семейное, основанное для защиты и для приобрѣтенія—таковы его наиболѣе характерныя формы. Одинаковость цѣлей и убѣжденій—его идеальное выраженіе. Въ данномъ случаѣ воля многихъ людей направлена на одну общую цѣль, словно это является одной волей, даже если отдѣльныя функціи раздѣлены